

Диалект села Старошведское: некоторые итоги изучения лексики¹

Диалект с. Старошведское, которое находится на Украине, в Херсонской области, — это единственный живой скандинавский диалект на территории бывшего СССР. На протяжении своей истории диалект находился в окружении эстонского, стандартного шведского, немецкого, русского, украинского языков. Основным языком жителей нынешнего села — русско-украинский (суржик).

Предметом нашего исследования являются русские и украинские заимствования в диалекте. Число лексем, встретившихся в интервью с носителями диалекта, — ок. 4000. Мы считаем, что эта цифра даёт достаточно реальное представление об объёме диалектного словаря. В сфере своего бытования диалект обеспечивает полноценную коммуникацию его носителей. Число существительных, записанных в интервью, — ок. 1000², из них ок. 100 — славянские заимствования. Таким образом, число славянских существительных, вошедших в диалектный словарный запас, не так велико. Что касается прилагательных и глаголов, то они представлены единичными примерами. Однако следует иметь в виду, что при подсчёте заимствований мы учитываем только те слова, которые подверглись хотя бы минимальной ассимиляции и стали более или менее стабильной частью диалектного словаря. Неассимилированные русские и украинские слова, окказионально употребляемые носителями и не являющиеся стабильными элементами словаря, мы не учитываем в данном исследовании³.

С точки зрения тематики большинство заимствований связано с бытом: это названия хозяйственных приспособлений (*dišl, mašín, sakk* ‘соха’, *skiss* ‘маленькая коса’, *vóloken*), предметов мебели (*dívan, kamód, kánop, tabrétk*), посуды (*blūd, butl, kástrüill, stáka, svärk* ‘чекушка’, *tšáun*), блюд (*alesk, bošš, pírak, pränik, varnek*), одежды (*kádus, kuška, šarf*), транспортных средств (*fūr, harb, kíbik*). Значительную группу составляют обозначения растений: *ablkós, akátse-trā, boklezáne, búrak, búrjanar, dinnje, düllje, gū, kađfl, káven, kúraj, pärsik-trā, sīpl, tšerášne-trā, vínagrad, višne, rüz-büsk, slive*. Реалии новейшего времени: *avtomáta, batarájana, bombar, dopär* ‘тюрьма’, *kíno, kombáinar, lā[γ]re, okópar, paperósana, paroxóda, rakétar, snarjádar, tankana, vagóna*.

¹ Исследование осуществлено в 2017 году в рамках проекта «Диалект села Старошведское: изучение лексики и составление электронного словаря» (руководитель — А.Е. Маньков) при поддержке Фонда развития ПСТГУ.

² Маньков А. Е. Диалект села Старошведское: обзор морфологии // Мир шведской культуры / Тоштендаль-Салычева Т. А. (отв. ред.). М: РГГУ, 2013. С. 55–105.

³ Подробнее об этом см.: Дяченко Д.В. Русские и украинские заимствования в диалекте села Старошведское: имена существительные // Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции. М.: МПГУ, 2016. С. 115–130.

Обычно заимствованные существительные сохраняют тот род, который они имели в языке-источнике, однако в некоторых случаях наблюдается изменение рода. Характерная для диалекта тенденция к отнесению собирательных и вещественных существительных к среднему роду распространяется и на заимствования: например, в ср. р. перешли слова *boklezáne* ‘помидор’, *slive*, *djogg* ‘дёготь’, *tsemánt*. Отдельные случаи изменения рода можно объяснить действием аналогии: напр., *dopär* (< ДОПР, Дом принудительных работ) могло быть отнесено к ср. р. по аналогии со шведским и немецким обозначениями тюрьмы. Кроме того, наблюдается отнесение к м. р. русских существительных, заимствованных через эстонский (напр., *alesk*, *kástrüll*, *sakk*). Самым вероятным объяснением м. р. в таких случаях представляется то, что парадигма мужского рода является наиболее частотной в диалекте.

Заимствованные существительные распределяются по словоизменительным типам, приобретая характерные для них окончания. Возникает вопрос: от чего зависит тип словоизменения заимствования? Факторами, определяющими образование парадигмы, являются морфологическая ассимиляция и принадлежность к тому или иному роду.

Морфологическая ассимиляция происходит в тех случаях, когда форма слова в языке-источнике фонетически близка той или иной диалектной форме. Так, форма *дыня* напоминает определённое ед. ч. одного из типов ж. р. (ср. *briggja* — опред. ед. ч. к *brigge* ‘мост’), откуда возникает парадигма *dinnje*, *dinnja*, *dinnjar*, *dinnjana*.

Что касается рода, то принадлежность существительного к тому или иному роду автоматически влечёт за собой определённую парадигму, т.к. парадигмы мужского, женского и среднего родов в диалекте никогда не совпадают.

В некоторых случаях наблюдается укорачивание основы, содержащей в языке-источнике суффикс или морфоид (*djogg*, *skiss*). Единственный пример суффиксального словообразования от заимствованной основы — *usjatär* ‘усатый’.

Заимствования также участвуют в обновлении лексики диалекта. Так, *kriss* вытеснило исконное наименование крысы *rott*, которое стало обозначать мышь; исконное обозначение мыши, соответствующее шв. *mus*, исчезло из современного диалекта. Другой пример: в значении ‘лук’ в современном диалекте используется заимствование *sīpl*, исконное обозначение лука сохранилось только в названии чеснока — *kvit-löük*.